

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

С. Н. Соколов-Ремизов

На фоне необозримого богатства разного рода архивных материалов, связанных с жизнью и творчеством Алексея Михайловича Ремизова (чего стоят, например, 157 его графических альбомов в Пушкинском Доме!), хранящее память о нём в нашей семье необычайно скудно и всё же мы с сестрой [Мариной Николаевной Соколовой] решаемся на эту публикацию, имея в виду отражённую в нашем архиве особую родственную близость с Дядей Лёлей (так мы вслед за Мамою [Еленой Сергеевной Соколовой-Ремизовой, см. “Светлую коску”] называли его), а также определённую уникальность некоторых предметов (вещей) и фотографий с ним связанных и, наконец, необходимость внесения важных уточнений относительно “Зайки”, имеющей, по нашему убеждению, ключевое значение не только для сложения и восприятия “Посолони”, но и для правильного понимания личности Дяди Лёли в целом.

Светлая коска

Не только в нашей семье, во многих – например, у Черновых (как об этом пишет Н. В. Резникова¹) или у наших друзей Беклемишевых (семье известного биолога Владимира Николаевича Беклемишева) первое знакомство с Алексеем Михайловичем Ремизовым было связано с “Посолонью” и прежде всего с “Зайкой”. Так было и у нас, но в отличие от других это было окрашено неповторимым звучанием самого что ни на есть близкого, своего. Ведь Мама, мы это знали, была Зайкой, а Дядя Лёля – Котофей Котофеичем.

Все реалии этой сказки – не плод воображения, а конкретные предметы из того мирка, в котором Мама общалась с Дядей Лёлей во время

¹ См.: А. М. Ремизов. Неуёмный бубен. Кишинев 1988, с. 584-585.

его приездов в Москву к брату Сергею (нашему дедушке Сигу – Сергею Михайловичу Ремизову, 1875-1921) – Лягушка-квакушка с отбитой лапкой, Гадкий Зародыш, Кошечки-бульдегомы и варёные куриные пупочки, Кучерище, Белки-мохнатки, бисерные кошельки, Медведь с Мужиком, краска афта и пр.

Мама родилась в 1902 г. и ко времени написания “Зайки” ей было три годика, со светлой, золотистой коской. Глаза у мамы были синие, порою становившиеся аквамаринно-голубыми, наследство от Сига.

У неё хранилось первое издание “Посолони” в белом праздничном переплёте [изд. Золотое Руно, М. 1907; в белизне обложки с тонким растительным (золотым?) узором (худ. Н. П. Крымов) можно почувствовать отсветы беленького монашка, белоснежной зимы, светлой зайкиной коски...]. Эта книга с дарственной Дяди Лёлиной надписью впоследствии, увы, была кем-то ‘зачитана’. Зато уцелело главное – светлая Мамина (Зайкина) коска. Она хранится у нас в конвертике (10,3 x 6,5) в кожаном портмоне Сига. На конвертике в разные стороны надписи чёрными чернилами: “Коса Ляли, 8 ч. вечера 29-го апреля 1905 г., Москва, Zubовский бульвар, д..., кв. 61. Накануне ушла няня Даша” и с другой стороны: “Роскошный весенний воздух. Папа и мама устали. Килька играет с няней Матрёной”. Очевидно, автограф дедушки Сига. А на заплетённой коске розовая ленточка, коска золотисто-светлая.

Мама как своё воспринимала и Колыбельную – “Засни, моя деточка милая...”, написанную в год её рождения (1902). Сохранился ее юношеский автограф, воспроизводящий полный текст этого стихотворения, озаглавленного “Над колыбелью” и с несколько изменённой пятой строкой (вместо “повстречают” – “встретят красные маки”).

Мама вспоминала, что, называя своего отца Сергея – Сигей (отсюда – Сиг, Сигуся, для нас дедушка Сиг), она Дяди Лёлино имя произносила “Алалей” и поэтому “двухлетняя русская девочка” в его комментарии к “К морю-океану”² именно Мама, а не Наташа, как предполагают некоторые ремизоведы (см. “Кириторарэта мэ”). Мало того, можно предположить, что “Лэйла” – не только “имя арабское”, но и “Ляля”.

Мама – Елена Сергеевна Соколова-Ремизова (1902-1976) вслед за своей мамой (Бабой Авой для нас) Варварой Фёдоровной Васильевой-Ремизовой-Гарховой (1882-1951), актрисой Пензенской Народной Драмы, ряда провинциальных трупп, а потом ГОСТИМа, хотела посвятить себя сцене. Вернувшись из Мелитополя, поступила в Школу Камерного театра (кстати, родилась в доме Курникова на Долгоруковской, там же, где Али-

² См. А. М. Ремизов. Избранные произведения. М. 1995, с. 176.

са Коонен, была её горячей поклонницей), а затем работала в театре Импровизации “Семпэрэнтэ” Анатолия Быкова и Анастасии Лёвшиной в Гранатном переулке, где познакомилась со своим будущим мужем, нашим отцом, Николаем Ивановичем Соколовым (1892-1974). Впоследствии – статист-экономист, а он – инженер-химик.

Киригорарэ та мэ

Так по-японски “Подстриженными глазами”. Эту книгу, исследование по творчеству А. М. Ремизова рано скончавшегося японского ремизоведа Футигами Кацудзи (1947-1988), вышедшую уже после его смерти в изд. Кокусё (Токио 1992) подарил нам с женой (Татьяной Львовной Соколовой-Делюсиной, специалистом в области японского языка и литературы) его друг русист Камэяма Икуо во время нашего посещения Университета Иностранных языков (Гайкокуго Дайгаку) в Токио, где Таня делала доклад о своём, отмеченном Императорской премией переводе знаменитого японского романа XI века “Гэндзи моногатари”.

В этом исследовании, имеющим подзаголовок “Ремизов, Достоевский”, большое место уделено “Посолони”, в которой в качестве ключевого звена рассматривается “Зайка” (с. 99 и др.). Анализируя соединение в этой сказке мифологического начала и детского, автор многократно утверждает мысль о том, что источником для создания образа Зайки была Наташа, а что сама сказка писалась Дядей Лёлей, как бы вжившимся в психологию ребёнка. Смущенный датой рождения Наташи (1904 г.), Футигами “повышает” её возраст к 1905 году до двух лет (с. 159) и соответственно относит к ней слова Дяди Лёли о “двухлетней русской девочке”, хотя и выражает недоумение в связи с возникшем явно позднее самого написания “Посолони” посвящения – “Наташе”. Соответственно все реалии “Зайки” он относит к воображению писателя. В самом деле – могла ли годовалая Наташа есть куриные пупки, сосать бульдегомы, писать ‘автопортреты’ афтой, вряд ли к тому же могла у неё к этому времени отрасли “светлая коска” (это подтверждает и её фотография 1905 г.).³ Как правильно замечает автор (с. 211), действительно непосредственно с Наташей связан образ Саши из рассказа-сказки “Мака”. Тут уместно вспомнить слова самого Дяди Лёли, сказанные им в письме к Н. В. Кодрянской от 9 VII 47: «Натусю видел во сне. И вспоминаю. О ней в “Посолони” сказка “Мака”».⁴

³ См. Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб. 1994.

⁴ См. Н. Кодрянская. Ремизов в своих письмах. Париж 1977, с. 68.

Елена Сергеевна Ремизова

Сергей Михайлович Ремизов с дочерью Лялей

Книга Кацудзи взволновала меня ещё удивительным совпадением – в аннотации выпущенных издательством Кокусё в 1992 г. книг я обнаружил имя дочери известного в своё время Лауреата Премии Мира Ясуи Каору – Юко. Дело в том, что давно, ещё в 60-е гг., познакомившись с нею на организованном мною вечере японской поэзии в Музее Восточных Культур (ул. Обуха, 16), я был настолько пленён её очарованием, что начал писать ей письма (она училась в Университете), посылать ей цветы, увы, без какого-либо ответа! И вот она – переводчица книги “Ремизов. Чёртик”, в которую помимо “Чёртика” вошли “Занофа”, “Пожар” и другие произведения Дяди Лёли, включая, особо оговоренную “Зайку” из “Посолони”!

Черновик письма

После прочтения книги о Дяде Лёле Н. В. Кодрянской Маме захотелось написать ей, и представился случай передать ей письмо через В. Б. Со-синского, который в январе 1976 г. поехал навестить родственников в Париж. К сожалению, никакого отклика не последовало и я не исключаю того, что он забыл отдать его адресату или оставить для последующей передачи у Резниковых.

Глубокоуважаемая Наталия Владимировна, с волнением и интересом прочла Вашу книгу о дяде Лёле, которую мне привелось прочитать года три тому назад. Хотелось сразу же написать Вам благодарность и сказать о некоторых неточностях в описании моего отца (стр. 75) и о последних днях жизни бабушки Маши (стр. 78). Дядя Лёля, видимо, о папе что-то напутал, а про бабушку Машу и вовсе толком не знал. Мой папа примерно с конца 1917 года жил в Сыромятниках вместе с бабушкой Машей. Умерла она у него на руках. [Мама не знала о письмах Сига к Дяде Лёле, опубликованных в изд. “Минувшее”.⁵ Однако её воспоминания основывались на словах самого Сига]. Дом (бывшая красильная мастерская) был хорошенький, типа загородной дачи, с террасой, увитой диким виноградом, со старинной, красивой обстановкой. Конечно, это не суть. Папа (Сергей Михайлович) был не блондин, а жгучий брюнет, но при том с синими глазами. В революции абсолютно никакой роли не играл. Работал на Курской ж. д. кем-то в канцелярии. В декабре 1920 года уехал из Москвы в Мелитополь (ко мне и к маме, Варваре Фёдоровне Ремизовой), где и скончался от сыпного тифа 7-го февраля 1921 года н/с. Большое спасибо Вам за Ваши заботы о дяде Лёле, которые так ярко чувствуются в его письмах к Вам. Мы очень любили с ним друг друга. Обстоятельства разлучили нас. Мне приятно, что вы вспомнили меня в Вашей книге, дороги и строки самого дяди Лёли.

⁵ “Минувшее”. М.-СПб. 1994, № 16, с. 523, 531, 533.

сказанные обо мне в “Кукхе”. Жаль, что мой “Обезьяний знак” № 1 и его книги у меня пропали в период разрухи. С большим интересом читала дяди Лёлины книги последних лет – “Мышкину дудочку”, “В розовом блеске”, “По карнизам”, “Подстриженными глазами” и другие, которые мы брали у Владимира Брониславовича Сосинского и Михаила Владимировича Алпатова. С наилучшими пожеланиями, Елена Соколова-Ремизова. пос. Ильинское, 3 января 1976 г.

Первая кавалерша Обезвелволпала

В архиве Пушкинского Дома в папке “Обезьянья Великая и Вольная Палата” есть запись: “В младших кавалерах: Ляляша Ремизова, первая кавалерша ордена Обезвелволпала, Оля Чернова, Гржебина...”. В примечаниях к публикации Елены Обатниной “Обезьянья Великая и Вольная палата” в Новом Литературном Обозрении (1996, № 17, с. 215) имя Мама почему-то опущено, хотя на с. 186 автор и связывает начало Обезвелволпала с “маленькой племянницей”, но имени её не называет и сноску делает на более поздние слова Дяди Лёли, где конкретная племянница уже превратилась в абстрактных детей.⁶ Нет упоминания о Маме и в обзоре С. С. Гречишкина “Архив А. М. Ремизова”.⁷

Помимо записи в бумагах, хранящихся в Пушкинском Доме имя Мама как первой кавалерши Обезвелволпала упоминается Дядей Лёлей в его “Кукхе”.⁸ В своей книге “Литература. Каллиграфия. Живопись” (М. 1985) я ввел этот отрывок из “Кукхи” в текст ‘надписи-темы’ к картине японского художника Томиока Тэссая “Драгоценная жемчужина-амulet”: «В “Розановых письмах” Алексей Михайлович Ремизов рассказывает о том, как возникла его теперь уже знаменитая “Обезьянья Великая и Вольная палата”, членство в которой обозначалось художественно исполненным “Обезьяньим Знаком” (Проездом в Петербург каждую осень мы останавливались в Москве. Из писателей в Москве об эту пору встретить кого было не так просто, все разъезжались по всяким Малаховкам). И я играл со своей маленькой племянницей Ляляшкой (Елена Сергевна Ремизова). Надо было чего-нибудь придумывать. Она приставала ко мне

⁶ Алексей Ремизов. Пляшущий демон. Танец и слово. Париж 1949, с. 57; см. также А. М. Ремизов. Избранное. Лениздат 1991, с. 587 и А. Ремизов. Огонь вещей. М. 1989, с. 268.

⁷ С. С. Гречишкина. Архив А. М. Ремизова. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л. 1977, с. 32.

⁸ См. А. М. Ремизов. Царевна Мымра. Тула 1992, с. 243; то же в книге “Эрос. Россия. Серебряный век”. М. 1992, с. 231.

сделать ей такое, чего ни у кого нет. Вот тут-то я и сделал ей обезьяний знак “для ношения тайно”. (Этот знак она, конечно, потеряла, и на следующую осень пришлось новый делать, а для пущего бережения) знак висел на видном месте – и никто не мог догадаться, что это означает: висит, а неизвестно что, а Ляляшка помалкивает”. Вот это – “тайно” и “на видном месте”, особенное и важное – не по взрослым, а по детским меркам, – пожалуй, выражает суть всей этой затеи. Здесь проявляется главное – та простота (пу), в светлой чистоте которой мир обретает единство, стираются грани между небесным, человеческим и земным (тянь, жэнь, ди ичжи). И вот именно это же, из этого и к этому – весь Тэссай. Наверняка вслед за Ляляшкой получил бы свой “обезьяний знак” и звание “Бессменного Хранителя Кисти и Тушечницы”». ⁹ Характерная деталь – в этой моей книге, так же, как и в тульской “Царевне Мымре” и в московском “Эросе” первоначальное Елена Сергевна исправлено корректором на правильное – Сергеевна. ¹⁰ И вот, что примечательно и мне особенно дорого – в той же “Кукхе” имя Мама возникает вторично рядом с В. В. Розановым:

И когда я сказал В. В. Розанову, что он награждается обезьяньим знаком и возводится в старейшие кавалеры обезвелполпала, Розанов сразу ничего не понял, ошеломился, а потом спросил: – А кто ещё старейший там у тебя в палатке? В. В. сказал не в ‘палате’, а в ‘палатке’, как говорила и Ляляшка. ¹¹

В Литературном наследстве т. 92 (М. 1981, т. 1, с. 126) ошибочно говорится, что Обезвелполпал началась в Петербурге, хотя у самого Дяди Лёли – Москва не только в “Кукхе”, но и в “Петербургском буреке”. ¹² К сожалению, как об этом Мама пишет Кодрянской, и её повторный обезьяний знак был утерян в ходе переездов по Украине во время разрухи периода Гражданской войны.

Бархатный альбомчик

Бархатный тёмнозелёный девичий альбомчик (18,5 x 10,7) был подарен Маме в 1916 г. бабушкой Сигом (её отцом). На первой странице его рукою: “Дорогой моей доченьке Лялончику от папы Сергея, Апреля 10-го 1916” и на следующем листке его же:

⁹ С. Н. Соколов-Ремизов. Литература. Каллиграфия. Живопись. М. 1985, с. 173.

¹⁰ Ср. Трёхмесячник литературы “Окно” № 2, Париж 1923.

¹¹ См. Алексей Ремизов. Царевна Мымра, с. 243.

¹² См. Алексей Ремизов. Огонь вещей. М. 1989, с. 410.

Пусть сбудутся все грёзы и мечты Твои, родная.
 Пусть солнце юных дней блестит, не угасая, до старости Твоей.
 Пусть счастье и любовь пройдут с Тобою неразлучно всю жизнь Твою.
 Я так люблю Тебя, что всё то лучшее, о чём мы мыслить можем, желаю для Тебя. Папа Сергей. Москва, 9 мая 1916 г.

В альбоме – пожелания, афоризмы, стихи разных лиц, сделанные в Москве, Кременчуге, Мелитополе в 1916-1919 гг. Приблизительно в середине – листок с каллиграфической надписью чёрными чернилами (тушью), выполненной Дядей Лёлей: “Моей племяннице Елене Сергеевне Ремизовой. 30 июля 1916 г. Москва. Ни звери, ни птицы, ни звёзды не знают того страшного зла, которое живёт в сердце человеческом, и имя этого зла – бессовестье. А от него много беды бывает. Будь внимательна к другим, слушай и вникай. Алексей Ремизов”. (надп. 18 x 11). А на левый разворот вклеен обведённый чёрной рамкой прямоугольный листок с рисунком чёрным-белым по сплошному малиново-красному фону – фигура человека с палкой-пикой (немного сходная со “Стрелком из лука” Сведенборгских карт), внизу мелкими буквами чёрная надпись: “палка тужит”. Содержание надписи, явно расходящееся с оценками Мама этих лет в письмах Сига к Дяде Лёле (см. “Рыба, рыба...”) навеяно, очевидно, мыслями о Наташе. “Чего у Наташи нет, – читаем в его дневниковой записи от 9-го июля 1917 г. – это совести. Пока (она) совсем закрытая для других. Самое большее есть у неё ещё дверка к щенятам, но к людям нет”.¹³ Вспоминаются слова Дяди Лёли, приведённые в книге Кодрянской: “В литературе меня трогает теплота сердца и совестливость”.

Пасхальное поздравление

Мамина приписка в письме Сига к Дяде Лёле от 2-го апреля 1917 г.: “Христос Воскресе. Дорогие тётя Сима и дядя Лёля, поздравляю вас с праздником, будьте здоровы. Мама вас обоих поздравляет и кланяется. Говорю Х. В. Крепко, крепко целую. Ваша Ляля”. Письмо отправлено по адресу – Васильевский Остров, 14 линия, д. 31. кв. 48 (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3).

“Рыба, рыба, рыба, рыба...”

“Рыба, рыба, рыба, рыба, ты огурчик золотой, потому что молодой” – тёплым шепотом на ухо убаюкивала нас музыкой этой странной присказки

¹³ См. “Минувшее”. М.-СПб. 1994. № 16, с. 452; см. также с. 441, 507.

Мама, в минуты самые сокровенные, интимные и мы знали – так её маленькую баюкал её папа, наш дедушка Сиг.

Имя Сига (Сергея) довольно часто встречается в мемуарных произведениях Дяди Лёли, он нередкий персонаж его сновидений: напр., во “Всеобщем восстании. Временнике Алексея Ремизова;¹⁴ а более или менее развернутый рассказ о нём дан в книгах “Взвихрённая Русь”,¹⁵ “Подстриженными глазами”¹⁶ и “Пруд”.¹⁷ Несколько дополнительных, с маминых слов, чёрточек к портрету дедушки Сига: “Во время последнего, рокового переезда из Москвы в Мелитополь к Маме, в поезде какая-то старушка стала со слезами молиться на него, предполагая, что перед ней бежавший от большевиков Император Николай Второй (В самом деле был немного похож на него). * Любил петь по утрам, ещё лёжа в кровати. * Говаривал: “Я по воле Божьей Эс Эр” (Хотя был вне политики).

Для нас имя дедушки Сига, естественно, неразрывно связано с нашей Мамой, поэтому, оказавшись в своё время в Пушкинском Доме (писал диссертацию о синтезе искусств), я с особым волнением читал письма Сига к Дяде Лёле и выписал из них те места, где он рассказывает ему о “Ляльке”. Возможно, когда-нибудь осуществится полная публикация ремизовского архива в Пушкинском Доме, но на правах внука Сергея Михайловича решаюсь ввести в рамки нашего семейного архива эти выдержки из его писем к Дяде Лёле, касающиеся Мамы. В них нашла отражение трагедия распада семьи, по-разному перекликающаяся с судьбами как Марии Александровны Ремизовой-Найдёновой, так и самого Дяди Лёли.

Из писем Сига к Дяде Лёле 1913-1919 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3):

- май 1913 г. “...Лялька моя меня радует (это единственно светлое), переходит во второй класс с первой наградой. Росту с тебя и несмотря на свой одиннадцатый год очень разумна; память у неё роскошная, тяготеет больше к языкам и литературе, хотя задачи решает с одного намёка...”
- декабрь 1913 г. “...Вчера приехала Лялька, совсем большая стала, с меня ростом, капризная в меру, умная и тактичная через меру. Видясь с ней отдыхаю на минутку...”
- январь 1914 г. “...Всё Рождество ‘кошмар’ – приезжали Варя и Ляля, жили на Долгоруковской. Варя шлёт поклон... Лялька целует вас [т. е. и тётю

¹⁴ Всеобщее восстание. Временник Алексея Ремизова. “Эпопея”. М.-Берлин 1922. № 3, с. 101, 104, 111, 116, 120 (глава “Мятежь 1.VI–10.VII 1917”).

¹⁵ См. Алексей Ремизов. В розовом блеске. М. 1990, с. 148-149.

¹⁶ Ал. Ремизов. Взвихрённая Русь. М. 1991, с. 183.

¹⁷ А. М. Ремизов. Избранное. Лениздат 1991, с. 28.

Симу]. Ростом с меня стала, но по душе ещё ребёнок и только не нравится мне: в ней вырабатывается тип первой ученицы, готовит уроки аккуратно и серьезно, не признаёт как можно не приготовить. Привезла мне свой похвальный лист – юбилейный.

- август 1914 г. “...Ляля всё лето живёт в Москве...”
- август 1914 г. “...Лялю проводил в Конотоп...”
- декабрь 1914 г. “...Лялька успевает, на всех пятёрках идёт и причём без усилий...”
- декабрь 1914 г. “...У меня лично собственно праздника нет, Ляля не приехала ещё, а потому погружаю всего себя в работу...”
- январь 1915 г. “...На праздниках была у меня Ляля, привезла круглые пятерки за полугодие, стала совсем взрослая девица (ростом с меня) не только физически, но и разумом. Рвётся ко мне в Москву жить и здесь учиться, не удовлетворяет её Конотоп ни школой, ни жизнью...”
- 13 мая 1917 г. “...В будущем месяце жду Ляльку на побывку, а может и совсем, т. к. муж Вареньки (Александр Павлович Васильев, 1876-1944) переводится из Кременчуга...”
- 17 июня 1917 г. “...В Успенский схожу и я с тобой, да и Лялька в это время будет в Москве...”
- 25 декабря 1917 г. “...Рождество в нынешнем году не праздную, т. к. Ляля в Москву не приезжает...”
- 17-30.VII 1918 г. “...Завтра я отбываю границу – имею отпуск на два месяца, еду к Ляле, от которой не имею известий с начала мая, еду я в неизвестность и первобытным способом, но меня это не останавливает, ровно год не видел Ляли...”¹⁸
- 22 II 1919 г. “...Был я летом в отпуске у Ляли два месяца. На предстоящее лето, думаю, что она придет ко мне...”
- 1 мая 1919 г. “...Сперва я было хотел перетащить сюда Лялю, но по зрелому размышлению решил наоборот. А для чего я живу – для Ляли и исключительно для неё... уезжаю к ней...”
- 23 VII 1919 г. “...При первой возможности, конечно, уеду к Ляле...”

В нашем семейном архиве сохранилось довольно много, порою безобразно ‘подправленных’ ножницами фотографий дедушки Сига разных лет – несколько с Дядей Лёлей, целая серия с Мамой и фотографии маленькой Мамы с надписями его рукою, а также в кругу Тарховской семьи в Пензе, с Бабой Машей и с Виктором:

¹⁸ Этот фрагмент опубликован в сокращенном виде, без упоминания Ляли, в альманахе “Минувшее” № 16, с. 532.

А. М. Ремизов в кругу Тарховской семьи

1. Сиг и Дядя Лёля – фото с надписью Мамаде (Надежде Фёдоровне Тарховой, младшей сестре Бабы Авы). Фотогр. ателье Е. Хоршева. Пенза, угол Московской и Нагорной ул. 9,7 x 14,2, в паспорту 10,7 x 16,3.¹⁹ С обратной стороны – две надписи, Сига и Дяди Лёли: “Пенза, 18 янв. 1899 г. Надечка, Горе научает смеяться... Что может быть смешней обыденной жизни ‘порядочного человека’, разве какой-нибудь балаган может с ней равняться! Чтобы над собой не смеяться надо выйти из балагана, но как только балаган перестаёт прельщать, балаганщики начинают мучить за непризнание их театра ‘великим храмом великих богов’, тогда изощряется вся их петрушкина мудрость. Не многие идут своей дорогой, большинство идут назад на открытую сцену. Да, с актерости / тоски (точки? тоже? неразб.) я родился и невыгодно бросать актёрства. Бросишь и нет распредельной жизни с молоком, мёдом и кисельной обстановкой. Надечка, больно уж мне кисель этот гадок, к чорту его, лучше всё, что угодно, лучше, но только не кисель. А. Ремизов. 18 I 99”. А сбоку, в нижнем левом углу рукою Сига: “Стремление к познанию очень хорошая вещь, но всё же поберегите, не сушите своё сердечко, дорогая Диночка, оно понадобится Вам в будущем. Ваш С. Ремизов”.

2. Сиг, Дядя Лёля и Николай Павлович Суворовский – Ателье Е. Хоршева, Пенза, 9,8 x 14,3, с пасп. 10,7 x 16,3.²⁰ На обратной стороне надпись рукою Сига: “Рекомендую совместить эти три противоположности и выработать одно целое, в этом целом достигнуть цели и приводить иногда себе на память разнузданного Сергия. Пенза 1900, 16 марта”. Ниже приписка, очевидно, сделанная Дядей Лёлей: “Жаль, тебя не было вместе с нами! 17 III 900, Пенза”.²¹

3. Сиг с Бабой Авой (справа от него) и Мамадей (слева). С обр. стороны карандашная надп. “1901 г.” (9,8 x 13,8, в пасп. 10,7 x 16,3). Ателье Е. Хоршева, Пенза. Парная к аналогичной фотографии Дяди Лёли с Бабой Авой (слева от него) и Мамадей (справа), попавшей в Пушкинский Дом от наследников архива Дмитрия Фёдоровича Тархова (Дяди Мити) и атрибутированной как “А. М. Ремизов в группе с неустановленными лицами. Пенза, лето 1898”.²²

¹⁹ Оpubл. в книге: “Мейерхольд. Наследие” I, с. 38.

²⁰ Оpubл. в книге: “Мейерхольд. Наследие”, с. 194.

²¹ О композиторе Н. П. Суворовском, однокласснике Н. М. Ремизова см. “Подстриженными глазами. Камертон” (Москва Алексея Ремизова. М. 1996, с. 103-104), а также “Петербургский буерак” (Огонь вещей, с. 490), “Страницы из воспоминаний” Дмитрия Фёдоровича Тархова (1890-1966), младшего брата Бабы Авы и Мамади (Музыкальное наследие. М. 1968, т. II, ч. 2, с. 170), и альманах “Лица”. М.-СПб. 1993, № 3, с. 440.

²² Оpubл. в альманахе “Лица” № 3; см. также каталог выставки “Волшебный мир Алексея Ремизова”. СПб. 1992, с. 37.

4. Мама в белом платье с цветком в волосах на руках у сидящего на стуле Сига (10,4 x 14,4, в пасп. 17 x 24,1, ателье P. Pavloff, Moscou). На обр. стороне надпись рукою Сига: "14-го ноября 1906 г. Москва. Посылаем нашей мамочке дорогой и эту, по-нашему, негодную карточку, но может быть, Ты дорогая наша мамуся, найдёшь что-нибудь в мелких чертах и выражении лиц... посмотри. Мы так любим Тебя / Так нежно ласкаем / целуем / мы / Твои / Ляля – Сигей / 10 XII 1906 г."
5. Мама в том же ателье, с тем же цветком в волосах, стоит у кресла (9,2 x 13,7, в пасп. 17 x 24,1). Сзади надпись Сига: "А вот, мамуся, и я к Тебе прибежала в Тифлис, дай мне Тебя потискать, поласкать, пощуповать, я Твоя дочка Ляля. 14 ноября 1906 г. Москва".
6. Аналогичная фотография Мамы с другой надписью Сига с обратной стороны (10,3 x 14,4, в пасп. 17 x 24,1): "14 ноября 1906 г. Москва. Право же, мамочка, милая, я умничка и не капризкую, слушаюсь папочку, люблю его и Тебя, моя золотистая пушиночка, если бы Ты знала, как мне хочется прилететь к Тебе, папа мне сказал, что я скоро поеду к Тебе, вот хорошо-то, авнявни целую, ласкаю Тебя, моя Муська-мамуся. Твоя дочка Ляля".
7. Фотография Сига анфас, в пальто (5,8 x 8,8, и пасп. 6,7 x 10,2). В нижней части по фото подпись: "С. Ремизов. 17-V 14 г.", а на обороте: "Весна 1914 г. Папа устал, заболел... Карточку эту доченьке своей Лялюнчику на память дал папа Сергей".
8. Мамина фотография с косами и чёлкой (8,8 x 11,3). На обр. стороне её рукою: "12-917 г. Кременчуг. Е. Реми. / Милому, родному папочке на память от его уже почти большой дочки". И сбоку приписка: "А было мне 16 лет". У нас хранится два портрета, выполненные по этой фотографии художником А. П. Лавровым.
9. Сиг с Мамой и Мамадей сидят на скамье в ателье, на фоне задника-пейзажа. У Мамы и Мамади в руках букеты (8,6 x 13,8).
10. Около дачного домика за клумбой справа стоит Федор Дмитриевич. Слева сидят: Мамадя, Сиг; за ним стоит Баба Ава, в кресле сидит Елизавета Петровна. Фотография наклеена на паспарту, в левом верхнем углу которого карандашная пометка". 14. VII. 1900" (17,6 x 12,2).
11. Сиг, присевший у ствола сосны, рядом с припл. трёхлетней Мамой, у ног которой игрушка – медведь бьющий в барабан (5,6 x 7,5).
12. Стриженный Сиг поддерживает Маму на барашке-лошадке (5,2 x 7,6).
13. Сиг с бритой головой сидит с голенькой годовалой Мамой на коленях (8,8 x 8 и др. вар.).
14. Сиг с маленькой Мамой в гамаке (8,1 x 5,2 и др.).
15. Сиг в зимнем пальто и шляпе прижимает к себе юную Маму, на фоне задника с зимним пейзажем. Фото типа открытки (8,7 x 13,9).

16. Сиг в шляпе, визави с Мамой в белом чепце. 1914 г. (6 x 3,5).
17. Сидящий Сиг с маленькой Мамой на коленях, она с бантом, прижалась к нему головкой (6,5 x 10,5).
18. Сиг за столом, рядом Мамадя и Баба Ава, играют в карты, на коленях Сига – Мама (?). (10,5 x 8).
19. Сиг с Бабой Авой в белых одеждах за праздничным, свадебным (?) столом, в дверях видна фигура Дяди Лёли (?) (10,7 x 8).
20. Силуэты, вырезанные из чёрной бумаги Сига (в шляпе) и Бабы Авы (с цветами на груди) (11 x 11).
21. Сиг в кепке-берете на групповом фото, рядом Мамадя и беременная Баба Ава. 1901 г. (10,7 x 7,8).
22. Сиг в кепке-берете на групповом фото между Мамадей и Бабой Авой (6,8 x 8).
23. Сиг с короткой стрижкой в группе с Бабой Авой, Мамадей и её мужем Петром Николаевичем Тарховым (Пипкой) (5,8 x 7,8).
24. Сиг за столом с поднятой вверх фотовспышкой, рядом Баба Ава и Мамадя. На столе самовар, комната украшена ветками берёзы – Троица (10,3 x 8,8).
25. Сиг с озабоченным лицом стоит у двери за сидящей на стуле нагнувшейся Бабой Авой в белом платье (7,9 x 10,6).
26. Сиг в большой группе, присевший на террасе, там же Баба Ава. 1901 г. (12 x 5,9).
27. Сиг, Баба Ава, Мамадя и другие в зимних одеждах на фоне зимнего пейзажа во дворе, видна поленица (11 x 8).
28. Сиг в профиль, за разговором сидит на стволе дерева в группе актёров Народного театра, рядом Баба Ава (18,5 x 16,5).
29. Сиг, коротко стриженный стоит над сидящей Мамадей, в группе актёров Народного театра, тут же и Баба Ава (9,9 x 8,9).
30. У окна, под двучастной иконой на канаве сидят: Сиг, прильнувшая у нему Женечка (рано умершая младшая сестра Мамади и Бабы Авы) и Мамадя, у ног Сига полулежит дядя Митя (10,4 x 7,5).
31. Сиг с белым бантом на шее, облокотившись, сидит за письменным столом, за его спиной Мамадя. Фрагмент фотографии (2,1 x 5,8).
32. Сиг на групповом фото в Библиотеке при Московской Бирже, сидит за столом, здесь же Мамадя и Владимир Эмильевич Мейерхольд (? - брат Всеволода Эмильевича). (21 x 16). Есть фотография этой же группы с Мамадей, но без Сига (22,7 x 17,7).
33. Сиг на ступеньках террасы с Пипкой (10,4 x 7,9).

А. М. Ремизов в кругу Тарховской семьи

34. Сиг в кепке-берете около гамака у загородного дома (5,8 x 10).
35. Сиг около сосны, у дачи. Тут же Пипка (?) (10,1 x 8).
36. Сиг на террасе, за столом со стаканом в руке (7,8 x 8, вар. 8,8 x 8,5).²³
37. Печально-задумчивый Сиг в кровати, под одеялом (10,5 x 7).
38. Маленький Сиг в парадном костюмчике с вышивкой стоит в фотоателье на стульчике. На обратной стороне надпись "Серёжа Ремизов" (6,4 x 10,2), фот. В. Рожнова на Пятницкой ул. в д. Рожнова, в Москве. В нашем семейном альбоме рядом с ней как бы парная ей, фотография стоящей на кресле трёхлетней Бабы Авы – 15 11 1885 г. Пенза. фот. Вакуленко (6,2 x 10,4).
39. Сиг-подросток стоит в фотоателье, облокотившись на декоративную балюстраду (6,3 x 10,2), фот. Д. Л. Львова. Мясницкие Ворота.
40. Сиг-гимназист. С обратной стороны надпись: "1891 г. 16 лет. С. М. Ремизов, уч. 5 класса М. Ч. Г.", фото Г. Трунова, Москва.
41. Сиг-гимназист. На обороте надпись: "1892 год. Сергей Михайлович Ремизов, октябрь. 6 класс М. Ч. Г.", фотогр. Р. Бродовский. М.
42. Сиг в гимназической форме. На фото снаружи и с обратной стороны подпись (автограф): "Сергей Ремизов" (6,3 x 10,4), фотогр. Р. Бродовский. Москва.
43. Фотография Сига в полупрофиль. На обороте надпись его (?) рукою: "Удивительно сильная воля, прекрасный человек, но эгоист, практический ум". 1901 г. (10,8 x 16,7, в паспорту), фот. Р. Ф. Бродовского. Москва, Кузнецкий пер., уг. Кузн. моста, д. Хомякова.
44. Парная ей фотография, лицо Сига в противоположном ракурсе (разм. тот же).
45. Сиг в шляпе, с букетом в руке, облокотясь на тумбу, в фотоателье Юпитер на Поварской ул., Москва. Оформлена в открытку (8,8 x 13,8).
46. Сиг за столом с папиросой в руке. Оформлена в открытку (13,9 x 8,8).
47. Сиг анфас в широкополой шляпе и пальто, с поднятой к груди рукой. Оформлена в открытку (обрез.), (6 x 11).
48. Сиг в полуоборот с пышными усами, в белом галстуке. Оформлена в открытку сходную с фотографией Мамы 1917 г. (8,9 x 13,9).
49. Сиг в шляпе, фото для документов. 1914 г. (4 x 5,5), см. фотографию этого же времени визави с Мамой (№ 18).
50. Сиг в застеклённой овальной рамке. Фотогр. ателье Г. В. Трунова, Москва (6,5 x 11,5, в рамке 11,5 x 17,5).

²³ Оpubл. в книге "Мейерхольд. Наследие", с. 383.

51. По словам Мамы – фотография невесты Сига, в пышном белом балетном платье (10,2 x 14).²⁴

Вещи и документы (записки и пр.), связанные с дедушкой Сигом:

1. Пригласительная карточка: “Фёдор Дмитриевич и Елизавета Фёдоровна Тарховы в день бракосочетания дочери своей Варвары Фёдоровны с Сергеем Михайловичем Ремизовым покорнейше просят Вас пожаловать на бракосочетание их, а затем в квартиру в казённом доме Сызрано-Вяземской железной дороги” и приписка: 1 Июля 1901 г. г. Пенза (7,8 x 11,1).²⁵ Уместно здесь вспомнить приписку, сделанную Дядей Лёлей в его письме из Киева к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и Вяч. И. Иванову от 25 июня 1904 г.: “И мой брат Сергей, и Варвара Фёдоровна поминали мне при отъезде передать вам свои поклоны и приглашение к ним зимой”.
2. Из Маминой тетрадки, запись 1917 г. – последний адрес Сига: “М. Домниковская ул. Управление Московско-Казанской ж. д., Товарный отдел, С. М. Р.”.
3. Автограф Сига. В конверте с подчеркнутой волнистой линией надписью ‘секретно’ на листке типа визитной карточки с одной стороны: “13-го декабря 1913 г., Москва, около 7 час. вечера идя от Никола-Ямы к дому я подумал, когда или вернее сколько проживу я и взглянув на небо увидел *** на Ю. В такое созвездие я не видел и связуясь с мыслями моими я говорю себе: я умру 50 лет 13-го декабря. Сергей Ремизов” (Конв. 9,5 x 6,3, листок 9,3 x 5,9).
4. Серебряный, украшенный резным растительным узором трёхчастный складень в виде плоского силуэта церковки-часовни с вкладными иконами миниатюрного письма (палехско-васнецовского стиля) – Явление Пресвятой Богородицы Преподобному Сергию, а по бокам Елена и Варвара (В закр. виде 5 x 7, в откр. 9,7 x 7).
5. Серебряная десертная ложка с гравированным цветочным узором и надписью прописными буквами (почерк Сига) по черпачку: “Ляля” (1911 г.?) (дл. 17 см.).
6. Мягкое кожаное коричневое портмоне Сига с несколькими дореволюционными бумажными купюрами (В слож. виде 16,5 x 11,5).
7. Деревянный, талашкинский чёрный подвесной шкафчик с двумя полками и дверцей в виде фигурного окошка в резной рамке (‘волны’ и ‘колёса’). На обратной стороне вырезано: “От Сергея 27 III 1909” (27 x 32, глуб. 16 см.).

²⁴ См. также фотографии с Сигом в главках “Пианино”, “Баба Маша”, “Дядя Лёля в кругу Тарховской семьи” и “Братья”.

²⁵ Оpubл. в книге “Мейерхольд. Наследие” I, с. 404. Ср. фото № 21.

8. Ковровая мягкая скатерть с красным таинственно-цветочным узором по красно-коричневому фону, с письменного стола Сига из его последней квартиры на Домниковской ул. (120 x 90).

9. Седьмой том собрания сочинений Алексея Ремизова (изд. Сирин, 1910-1912 гг.). Отреченные повести, по верхнему краю обложки помечен строкою, каллиграфически выполненной рукою Дяди Лёли: "Сия книга принадлежит Сергею Ремизову". А в нижнем левом углу подпись: "Алексей Ремизов" (Была возвращена нам наследниками Дяди Мити вместе с книгой: Алексей Ремизов. Рассказы. СПб., изд. Прогресс, 1910; возможно, у них остались и другие книги Дяди Лёли из нашей библиотеки, в том числе Мамина "Посолонь").

10. Фотография Мамади (Ателье Бенделз), наклеенная на паспорт, по которому сзади надпись: "Дорогому Сигу в воспоминанье мир. войны от Надежки 18-1 1917 г." (10 x 14,4). Есть, выполненный по этой фотографии портрет маслом работы Бабы Авы.

11. Верхняя часть круглой японской (изг. для Европы) запонки из слоновой кости с гравированной, подкрашенной чёрным композицией – дама и кавалер. На внутренней, "секретной" части (утраченной) та же композиция давалась в эротическом плане с красной подкраской (диам. 2,7 см.).

Дядя Леля в кругу Тарховской семьи

1. В большой группе слева, на фоне дачного домика присел за стулом, между каким-то мальчиком и молодой женщиной, рядом с которой сидит Мария Яковлевна Каравай-Метелицкая (мама Елизаветы Фёдоровны), затем Елизавета Фёдоровна с младенцем на руках (Женечкой?), Фёдор Дмитриевич, из-за спины которого выглядывает Баба Ава, потом Мамадя и Дядя Митя (16,8 x 11,4).

2. Вариант этой же группы. Дядя Лёля стоит во втором ряду слева, в профиль, в пенсне, чуть наклонив голову – как бы что-то читает, перед ним на стульях Мамадя, затем Мария Яковлевна, Елизавета Фёдоровна, Фёдор Дмитриевич, слева от которого стоит Баба Ава, далее, с краю сидит Дядя Митя (1,9 x 8,8).

3. Группа вокруг декорированного ветками берёзы стола с самоваром – Троица. Дядя Лёля стоит за самоваром с листочками в руке – читает, справа от него стоят Баба Ава и Сиг, перед ними сидит Елизавета Фёдоровна с младенцем на руках, слева наклонившийся над столом Фёдор Дмитриевич, а справа полулежащая Мамадя (16,5 x 11,2).

4. Редкая фотография улыбающегося Дяди Лёли в пенсне и широком (горвицком двубортном²⁶ пиджаке рядом с неизвестным в пенсне, похожим на Виктора (не он же ли с балалайкой на фото № 31 главки “Рыба, рыба...”?) на фоне сосен и забора (6,9 x 5,5).

Сидим и думаем о вас

Надпись поблёкшими коричневыми чернилами на обложке книги В. Болина. “Спиноза”, СПб. 1899 г. (в верхнем правом углу): “Сидим и думаем о Вас, притом так же как и с Вами Н. А. на Вашем месте в Вашей комнате. А. М. Ремизову от Надички Тарховой и Н. А. Народецкого.²⁷ Пенза 3-го сентября 7 час. вечера, 1900 г.” (разм. книги 13 x 17,3).

За письменным столом

“Стол по-человечески стоит крепко, не падает и не пляшет, – я мог бы разложить на нём, чтобы было всё под рукой, если бы было что раскладывать” – так пишет Дядя Лёля в “Иверне” об одной из своих пензенских квартир,²⁸ но, как свидетельствует Мамадина надпись на “Спинозе” (“Сидим... в Вашей комнате”), у него была ещё и своя комната в тарховском доме. И тому дополнительным доказательством – написанный Бабой Авой с натуры (!) портрет Дяди Лёли (холст, масло. 23,3 x 31,5). Дядя Лёля сидит в красном кресле за письменным столом с зелёной скатертью, на нём пенсне, он, чуть склонившись, что-то пишет. Стол стоит у окна, на котором видны занавески-гардины (вспом. более позднее “Потом пересаживаюсь к окну...”).²⁹ На столе – массивное пресс-папье, толстая книга, несколько листов бумаги, цветок в горшке. Сбоку на стене характерная для того времени матерчатая с вышивкой подвесная сумка для бумаг. Рядом с креслом внизу что-то вроде сундучка. Интересно, что он тогда писал... Баба Ава, может быть вспомнила бы, а он сам...

В память о прокламации

Фотография А. Г. Ельшина (6,2 x 10,3, фотограф Вальдман, в Пензе: угол Московской и Нагорной улиц, дом Шишко). С обратной стороны – дарственная надпись: “Алексею Михайловичу Ремизову. Май 1891 года.

²⁶ См. “Театр” 1994. № 2, с. 89.

²⁷ О Народецком см. “Лица”. № 3, с. 427.

²⁸ См. “Театр” 1994. № 2, с. 87.

²⁹ См. “Эпопея”. М.-Берлин 1922. № 3, с. 71

Пензенские железнодорожные мастерские, прокламация о сокращении рабочего дня по субботам (“милость министра!”), выраж. полк. Раменского. А. Ельшин”.³⁰

В память незабываемых дней

Фотография А. С. Барышева (Баршева?) (6,3 x 10,4, фотограф Е. Хоршев) с надписью на обратной стороне: “12 VIII 1897. В память тех хороших, незабываемых дней 9, 10, 11 августа, проведённых на хуторе Надежда, 1897 г.”. Адресат неизвестен, нет и подписи.³¹

С взлохмаченными волосами

Фотография Дяди Лёли, опубликованная в изд. “Мейерхольд. Наследие”, с. 445. Фотограф Ф. Кулаков. Устьсысольск, (на пасп. 11,5 x 16,3). С обратной стороны в углу надпись: “Устьсысольск, 29 II 1901. А. Р. с начала 1897”.

Наголо бритый

Фотография Дяди Лёли, выполненная в пензенском ателье Е. Хоршева (на пасп. 6,3 x 10,5). Сзади две надписи: подчёркнутая – “С. Р.у” (т. е. Сергею Ремизову, надо бы её ввести в главку “Рыба, рыба...”) и, – “На память об Устьсысольске. 2 июль – 20 августа. 1900”. Эта фотография из другого источника опубликована в журнале “Театр” 1994, № 2, с. 104 и в книге “Мейерхольд. Наследие” на с. 359, как – “А. Ремизов перед этапом из Пензы в Вологду 1 июля 1900 года”.

Пианино

Старинное тёмнокоричневое пианино с двумя металлическими подвижными ажурно-резными подсвечниками на деке, немецкая фирма Holling & Spangenberg Zeitz-Leipzig. У нас в Садовниках (Садовническая ул., д. 80/2.

³⁰ В альманахе “Лица” (М.-СПб. 1993. № 3, с. 427, 485) отчество Ельшина – Г. ошибочно названо именем. См.: Мейерхольд. Наследие I, с. 126. Об его участии в распространении прокламации см.: Лица, с. 429.

³¹ По Дяди Лёлиному дневнику 1917-1921 гг. – Алексей Сергеевич Барышев, см. “Минувшее” № 16, с. 508, а согласно опубликованному в “Театре” (1994, № 2) тексту “Иверни” его фамилия Баршев (с. 90, 93, 98), того же мнения придерживаются комментаторы книги “Мейерхольд. Наследие” I, с. 55, 56, 134.

кв. 91), в затенённой, бывшей спальне молчаливо стоит близ окна у стены. Немало попутешествовал: из тарховского дома в Пензе – в Москву, на Пресню к Мамаде, потом к Лёлику (Владимиру Фёдоровичу Тархову, брату Бабы Авы и Мамади), в его квартиру около Богоявленского собора, наконец – к нам. Пензенская жизнь этого пианино отражена на целой серии фотографий, и две из них с Дядей Лёлей.

На одной из них (8 x 11) он стоит около него, слева от аккомпаниаторши, сзади трое детей. Кто за пианино – может быть это Елизавета Фёдоровна Тархова (мама Бабы Авы и Мамади). У нас вспоминали, что он был равнодушен к ней, его пленяло обаяние её мистически-таинственной красоты. Значит, потеряв свой альт, он всё-таки ещё любил петь, пусть и непрофессионально (в отличие от Сига, Дяди Мити, Бабы Авы). Недаром Е. Д. Резников вспоминает, что “и в 76 лет А. М. ещё напевал и сумел ввести меня в современную музыку”.³² На обратной стороне этой фотографии надпись-дата: “17 3 1899”. Значит 30-е марта по новому стилю, уже весна.

А другая фотография уже без даты (10,8 x 7,9) – Дядя Лёля лежит в ногах у сидящей спиной к пианино Бабы Авы, на фоне её белого пышного платья. Она читает ноты, рядом с нею сидят Мамадя и Н. П. Суворовский.

Остальные фотографии – около пианино:

1. У пианино с ногами в руках сидит Сиг, перед ним Баба Ава, сбоку Пётр Николаевич (Пипка) и Мамадя (7,9 x 7,5).
2. За пианино Н. П. Суворовский. Рядом на фоне кафельной печи в группе – Баба Ава, Ида Рюккерт (жена Виктора), а на переднем плане сидят Сиг и Пипка, Сиг держит Пипку за нос, а тот его за волосы (11,8 x 8,2).
3. Суворовский за пианино, рядом Баба Ава, Мамадя и Пипка (8 x 7,5).
4. Сиг в пол-оборота у пианино. Мамадя стоит рядом, поёт. Комната декорирована берёзками – Троица (10 x 8).
5. За пианино Мария Яковлевна Каравай-Метелицкая (мама Елизаветы Фёдоровны, бабушка Бабы Авы и Мамади), рядом стоит Мамадя (поёт). Слева в зеркале видны Сиг, Елизавета Фёдоровна и Пипка (9 x 7,8).
6. Сиг у пианино, рядом Мамадя, Баба Ава и Суворовский (8 x 7,7).
7. Баба Ава у пианино с развёрнутыми ногами (10,8 x 8).
8. У пианино Баба Ава, рядом Мамадя и неизвестный. Берёзки – Троица (10,4 x 7,8).

³² См.: Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб. 1994, с. 264.

А. М. Ремизов у Тарховых в Пензе

9. За пианино Мария Яковлевна Каравай-Метелицкая, рядом с ней сидит юный Дядя Митя (8 x 10).³³

П л а с т и н к а

“А голос до конца жизни у него был тот же. А. М. выговаривал мягко, но отчётливо, тихо, но твердо (иногда очень темпераментно), при случае разделяя слова, слога” – пишет Е. Д. Резников в своей статье “Ремизов и музыка”.³⁴ Странно, что он не вспоминает при этом о существующих записях голоса Дяди Лёли. Об этих записях 1946-1947 гг. (Club d’Essai, библиотечный фонд совр.) сам Дядя Лёля пишет: «“Рыбкой” не доволен, из “Вия” вышло. Наговаривал и своё для французского архива». ³⁵ И в письме к Исааку Вениаминовичу Кодрянскому от 10 XI 1947 г.: “На Ваше рождение посылаю Вам мой голос (к моему огорчению, сам я не узнаю, так резко: не моё)”.³⁶

Эту пластинку (помню до сей поры, как, о ужас, уронив, чуть не разбил её!), где Дядя Лёля читает из Гоголя и Пушкина, давал нам В. Б. Солинский и Мама, прослушав, сказала: “Голос очень похож”. А у неё, как и у Дяди Лёли (“твой слух тебя не обманет” – слова Вас. Степ. Суворовского³⁷ – был абсолютный слух. Значит пластинка точно воспроизводит голос Дяди Лёли, а его собственное мнение понятно – ведь сам человек свой собственный голос слышит искажённо, тем более в любой, самой хорошей записи.

З е р к а л о

Старинное напольное трюмо в резной деревянной раме – стилизованные цветы, похожие на птичек (стиль рококо с элементами рокайля) с двумя овальными боковыми зеркальцами над подвесными шкафчиками – как будто крыльшками какой-то птицы. Мамино: “Оно видело Наполеона”; “Когда разобьётся – умру”; “Если долго смотреться – вырастет хвост...”

Это зеркало из Сыромятников, из гостиной Бабы Маши: “На диване [а под ним притаился Коля – Дядя Лёля] сидит Палагея Семёновна Кра-

³³ О Дмитрие Фёдоровиче Тархове см.: Музыкальное Наследство, М. 1968, т. II, ч. 2, с. 160.

³⁴ См. Алексей Ремизов. Исследования и материалы, с. 266.

³⁵ Russian Literature Triquarterly 1986, № 19, Remizov II.

³⁶ Н. Кодрянская. Ремизов в его письмах. Париж 1977, с. 84.

³⁷ См.: “Подстриженными глазами. Камертон” в изд. “Москва Алексея Ремизова”, М. 1996, с. 104.

савина и Варенька, Палагея Семёновна болтает ногой и, захлёбываясь, рассказывает всякие городские новости и семейные события... Встаёт Варенька, за нею Палагея Семёновна. Палагея Семёновна заглядывает в трюмо, прихорашивается. И Варенька и Палагея Семёновна выходят из гостиной в залу". (из "Пруда"³⁸). "Недомогавшая Прасковья [нянька, Евгения Борисовна Петушкова] осталась дома караулить... поправила пальму у рояля [в зале] и, не топя, по ковру прошла в гостиную и там провела рукой по дивану и, подняв оборку, пошарила под диваном и, отвёртываясь от зеркала, послушала под дверью у Вареньки – нет у Вареньки тихо было..." ("Пруд", с. 104).

Теперь вот уже более семидесяти лет стоит оно в нашей светлой большой комнате (бывш. столовой) в Садовниках, в его памяти и вся наша жизнь, и в солнечные дни на нём танцуют блики солнца, отражённые лепным белым потолком с протекающей под окнами Канавы... А ведь это однажды приснилось Дяде Лёле!: "Снилось мне – читаем в его дневниковой записи за 5 IV 1919 г. – комната с двумя окнами, посреди зеркало. Я причёсывался пер<ед> зер<алом>, выглянул в окно и вижу..."³⁹

Так между двух окон в простенке стоит оно у нас в Садовниках – память, не столько о Наполеоне, сколько о Бабе Маше и Маме.

Б а б а М а ш а

1. Фотография, оформленная в открытку – Баба Ава с малюткой Мамой на фоне пейзажа с деревьями. Мама в плетёной коляске, смеётся, пьёт из бутылочки молоко (8,9 x 14). По свободной верхней части надпись рукою Сига: "Бабу Маню Ляля крепко целует и за её здоровье пьёт молочко из бутылочки, ещё вот милая бабушка, я теперь умею говорить папа, пока до свиданья, Ваша Ляля". А внизу под фотографией приписка: "13 июня 1913 г. Царицыно". С обратной стороны адрес: "Москва. Сыромятники у Полуярославского моста, д. Найденовых. Ея Высокородию Марии Александровне Ремизовой".

2. Дядя Лёля в кресле на фоне флагоподобных тканей, при галстукке, в очках, левая рука подведена под борт пиджака. Лицо суровое, глядит прямо на нас. Фотография, переведённая в открытку. Почтовая карточка. *Post-towka-Carte postale*. На аналогичной открытке имеется фотография Мамы с пояснением – "Фото-салон Монстр", Москва, Тверская 64, прибл. 1917 г. (8,4 x 13,4). На левой части свободной стороны открытки каллиграфи-

³⁸ См. А. М. Ремизов. Избранное. Лениздат 1991, с. 17, 21.

³⁹ "Минувшее" № 16, с. 483.

чески исполненный текст: “Снят в Министерстве Иностранных дел. Очень там холодно, и потому прикрылся халатом одного знакомого книжного любителя”. И на правой (адресной): “Христос Воскресе. Поздравляю Вас, Мутгер и с рождением Вашим. Серафима Павловна поздравляет и Наташа”.

3. Баба Маша и Виктор на фоне книжного стеллажа, он что-то пишет, она держит в руках увеличенный фотопортрет Дяди Лёли (фотография – 5,8 x 8,1).⁴⁰

4. Баба Маша на ступенях веранды, увитой диким виноградом в группе с Николаем, Виктором и их жёнами и родственниками, среди которых Фёдор Иванович Рюккерт, отец Иды, и её сестра, Мамина крёстная Адель. Свадьба Иды Рюккерт и Виктора (фотография – 10,7 x 7,8).

5. Групповая фотография на фоне густой листвы. На переднем плане сидят (слева направо): Фёдор Иванович Рюккерт, Баба Маша и Галя (?), за ними стоят – Сиг, Баба Ава, жена Николая, Николай, Ида Рюккерт и Виктор. Внизу карандашная подпись: “22-го июля 1901-го года” (10,3 x 9,2).

6. Баба Маша стоит около увитой виноградом террасы. На земле – полосы снега (фотография – 11,4 x 16).

7. Молодая Баба Маша, фотопортрет в овале. Ателье Г. В. Трунова, придв. фотографа, Москва. Лит. К. Эртог (6,5 x 10,3).

8. Молодая Баба Маша с крестом на груди. Художник М. Панов, фотограф Артистического кружка, Петровка, дом Кредитного Общества, в Сокольниках на собств. даче близ церкви у пруда около Ширяева поля. Лит. К. Эртог (фотография – 6,9 x 10,7).

9. Фотография молодой Бабы Маши, на обратной стороне автограф: “Коле [брату Николаю Александровичу Найдёнову или сыну Николаю Михайловичу] на память 1887, сентября 6-го”. Фотография Д. Л. Львова на Покровке близ церкви Богоявления в доме Кочерова в Москве (6,3 x 10,3).

10. Коричневый медальонно-овальный фотопортрет юной Бабы Маши, фотография И. Дьяговченко на Большой Лубянке между Кузнецким мостом и Софийской улицею, в доме кн. Голицина № 55/68 (6,5 x 10,5) и парный к ней фотопортрет Михаила Алексеевича Ремизова (то же ателье, 6,5 x 10,5).

Б р а т ь я

1. С Николаем лишь три фотографии – две групповые (см. главку “Баба Маша”) и одна – с дочерью (на пасп. 6,3 x 10,3). Очевидно, с Зоей, а не Галей (как утвержд. в “Минувшем” № 16, с. 546), т. к. Галя и Боря – дети Виктора; в дневнике у Дяди Лёли в записи сна от 14 VI 17 г.: “Тут и Виктор

⁴⁰ Оpubл. в книге “Мейерхольд. Наследие”, с. 38.

с Галей и ещё маленькой девочкой, это его новая дочь...” (“Минувшее”, с. 439). На нашей фотографии глаза у девочки (Зои) тёмные и, по-видимому, светлоглазая девочка на групповой фотографии братьев (“Театр” № 2, с. 102) не Зоя, как написано, а Галя. Галя встречается на ряде групповых пензенских фотографий, рядом с Виктором. Впрочем, может быть я ошибаюсь... Возможно кто-то жив из родственников по линии Виктора и Николая. Николай жил в особняке в Б. Афанасьевском пер. (ул. Мясковского) на Арбате (напротив Дяди Мити). Мама пыталась наладить с ним связь, но он проявил крайнее негостеприимство, фактически отказавшись от какого-либо общения.

2. Сиг в шляпе рядом с Бабой Авой в белой шляпке стоят в дверях дома, подле Сига – Ида и Адель Рюккерт. Перед Бабой Авой – присевший Виктор в шляпе-берете. (10,5 x 15,7).

3. Ида Фёдоровна Рюккерт и Виктор, (фотография – 9,4 x 7).

4. Серия групповых шуточных фото-композиций:

- У окон, за столиком – Виктор с бутылкой в руке, тут же Ида Рюккерт, её брат Павел, Баба Ава (9,6 x 7,8).
- У окон, в углу (без столика) – Мамадя, Пипка, Суворовский, Ида, Галя (?) и сидящие на полу Сиг и Виктор (10,5 x 7,7). Имеется два варианта этой композиции.
- На фоне кафельной печки – Баба Ава, Ида, Галя, Суворовский, Виктор на стуле... (10,5 x 7,7).
- Виктор за ломберным столиком, играют в карты, за его спиной Мамадя (8,5 x 7,9).
- Группа у окон, в углу близ двери – Суворовский. Ида Рюккерт, Галя, слева на стульях Пипка и Баба Ава, положившая руку на его голову, на переднем плане на полу сидит Виктор (10,5 x 7,7).
- Виктор, Мамадя, Влад. Эмильевич Мейерхольд (?) или (вряд ли) Сиг под торшером (фрагмент фотографии 3,5 x 7,1).

Теперь за кофе принялся...

Поздравительная открытка – репродукция с работы Рафаэля Кирхнера: обнажённый фавн преследует рыжеволосую деву (Aus Arkadien. В&S Wien. serien № 1040), (13,8 x 8,8). По верхней части горизонтальной полосы рисунка тонкая и чёткая каллиграфия коричневыми чернилами: “4 дек. 1908. Варвару Фёдоровну поздравляем с днём Ангела. Тебя, Сергей и тебя, Ляляшка с именинницей. А. и С. Ремизовы. Это вроде телеграммы”. И по нижней части: “Только недавно какао выпили, – очень пригодилось. Варили по вечерам с молоком, что заменяло всякую закуску. Теперь за кофе принялся. Часто вспоминаю о варенье, ну теперь ты его,

конечно, съел. Книги (Сологуба и Блока) получил. “Иуда” будет напечатан в № 1 “Зол. Руна”, выйдет в конце января 1909. А. Ремизов”. В левом углу приписка: “2 книги Бурнакина получил”. С обратной стороны адрес: “ЕВр. Варваре Федоровне, Сергею Михайловичу Ремизовым. Долгоруковская, д. Курникова кв. 15. Москва”.

Какая-то тяжесть...

В конце 1967 г. я послал Александру Исаевичу Солженицыну на его рязанский адрес (1-й Касимовский пер., д. 12, кв. 3) письмо с выражением глубокого моего пиетета к его литературному дарованию. Говоря о его близости к традициям Гоголя, Лескова и особенно Ремизова, писал о том, что очень хотел бы приехать к нему в Рязань “поговорить о литературе”. В ответном письме (от 24 I 68 г.), отказывая мне во встрече, Солженицын так отреагировал на предполагавшуюся мною его связь с Ремизовым: “Вы ошибаетесь относительно моей близости Ремизову. Начать с того, что я его не читал. Подарили мне “Огонь вещей” и “Мышкину дудочку”, но какая-то тяжесть мешает мне переступить первые страницы. (Однако, я понимаю его значение)”.

Крамола

В 1985 г. в московском издании Наука вышла моя книга “Литература. Каллиграфия. Живопись”, посвященная теме синтеза искусств в Китае и Японии. Говоря о мировой и русской традиции, о рисунках и графической выразительности почерков писателей, неоднократно вспоминаю Дядю Лёлю и В. В. Розанова (с. 12-14, 173-174, 186-189). В своём цитировании этих авторов я использовал парижские издания и вот – в самом начале перестроечного времени, очевидно, сами имена эти (почтенный искусствовед Н. А. Дмитриева, ознакомившись с рукописью, удивилась – неужели имя Розанова реабилитировано), тем более, заграничные издания ещё несли в себе потенциал некой “крамолы”. Пропущенное в печать вызвало опасение у бдительного руководства института – “не просмотрели ли” и в результате моя первая книга не получила ни одного одобрительного слова, была строго выдержана полная молчаливая обструкция. Вспоминаю как некий “исторический штрих”.

Каллиграфия

В этой своей книге (с. 189) я привожу очень точные слова Дяди Лёли, сказанные им о китайской каллиграфии: “У китайцев каждое произведе-

ние требует своего особого буквенного расположения – в “как, на чём и чем” написано есть зрительный ключ для чтения, “мелодия”; китайская рукопись, чёрной ли тушью на бумаге или золотом по шёлку, всегда звучащая – и немых строчек, как в нашем однообразно написанном, не отличающим сказки Толстого от разысканий Веселовского не может быть. А разберёт ли кто этот китайский ключ, или останется загадкой, для автора, он же писец, безразлично: начертание неразрывно с формой произведения”.⁴¹ Нечего говорить, свои занятия Китаем и каллиграфией я воспринимаю как своего рода отклик на Дяди Лёлину увлечённость в этих направлениях⁴² и ощущаю его незримый критический взгляд и поддержку. Конечно, моё особое внимание – к его каллиграфическим работам, а за ними и к выразительным возможностям старинной русской скорописи. Мне хочется, и я исподволь делаю это, найти пути сближения, встречи русской художественной традиции и китайской. Будучи в Японии (в 1995 г.), я обнаружил, что целый ряд японских каллиграфов (а искусство каллиграфии у них родственно-общее с китайцами) пытаются ввести в сферу каллиграфического искусства графику подписей, исполненных латиницей. На мой взгляд, пока ещё мало удачно, поверхностно. В связи с этим я выполнил и отослал одному из энтузиастов этого направления каллиграфу и педагогу из г. Нисиномия Сакута Эйси несколько своих опытов русской скорописи в традициях XVII–XVIII вв. и соответственно Дяди Лёлиной “школы”. Среди них рядом со знаменитым “Кузнечиком” Велимира Хлебникова (“Крылышка золотописьмом тончайших жил...”), Дяди Лёлиного “Вындрика” (“Вындрик-зверь, солнце с запада, вындрик с востока...”), с повторением его рисунка из альбома в Пушкинском Доме. В своём ответе Сакута, естественно для японца, дал высокую оценку этим моим опытам. А вскоре у меня родилась идея о создании некой, максимально сближенной с китайско-японской традицией формы русской скорописной графики, я пришёл к манере безотрывного письма одной вертикальной или скошенной строкой, которую я назвал “Лозопись слов и словоначалий” (сокр. по-кит. “тэншу”, по-яп. “тэнсё”). Увлечённо продвигаясь в разработке художественного языка, приёмов этой “лозописи”, я подспудно чувствую как бы соучастие Дяди Лёли, моя затея, как мне думается, пришлась бы ему по вкусу. И если в его каллиграфии – узоропись усиков трав и растений, то в моей я пытаюсь создать образ лозы глицинии, вьющейся, развевающейся под ветром.

⁴¹ Алексей Ремизов. Подстриженными глазами. Париж 1951, с. 40.

⁴² См.: Алексей Ремизов. Взвихрённая Русь. М. 1991, с. 69, 72.

М. А. Ремизова, С. М. Ремизов, В. Ф. Ремизова в Сыромятниках

Бабу-Мамин Арма Крота и т.д.
она и за ея згоробла нестер нехотел
из дуга...
Забудка, из...
наша, пока до... Бама...

13 июля 1903г. Угличское

В. Ф. Ремизова с дочерью Лялей

Интересно, что аналогии построениям Дяди Лёлиных “срамленных” графических композиций можно легко увидеть в китайской гравированной каллиграфии на печатях (ограниченный рамкой баланс свободного пространства и заполненного), а сколь каллиграфичен выразительный лад многих его рисунков, в своей динамичности и лаконичности близко подходящих к традициям “лапидарной кисти” (цзяньби) в китайской живописи. Показательно, что его внимание привлекал не только Китай, но и во многом близкая к китайской культуре Япония (вспомним, напр., что он перевёл статью о японской гравюре в журнале “Вопросы жизни” 1905, № 2, с. 247-280). И не случайно многократно встречающиеся автопортреты Дяди Лёли (“Нос чайником, душа измученная, нет зависти, горькое сердце” – цит. по книге Н. Кодрянской “Алексей Ремизов”) удивительным образом перекликаются с серией лапидарных, профильных автопортретов японского поэта Кобаяси Исса (1763-1827), выполненных им в жанре “хайга”, в качестве сопровождения и развития каллиграфически исполненных текстов его же трёхстишей “хокку”, вроде – “Ах, печален мир. / Даже в пору цветения вишен. / Все же печален”.⁴³ А по ведущему настрою – чужаковатость, “непричёсанность”, естественность, чистота, детскость – в компанию к Исса и Дяде Лёле – известный по псевдону “Большой дурак” (Дайгу) философ, поэт и каллиграф, монах Рёкан, разительно похожий на Беленького Монашка из “Посолони”.

А к с е с с у а р ы

Мне кажется, что именно в каллиграфии прежде всего и полнее всего раскрывается внутренняя музыка Дяди Лёлиного образного мира, его склад, обаяние, скрытые в нём интимные ноты. Одна из таких нот, связанная с темой эротики, на мой взгляд, пусть он не обидится, не совсем адекватно поэзии ощущаемого замысла прозвучавшая в серии его “Заветных сказов” и значительно удачнее рядом с В. В. Розановым в “Кукхе” (см. с. 251 в книге “Царевна Мымра”), наиболее полно проявляется, живёт в его каллиграфии, которая наподобие круглящемуся узору струящейся кукхи – влаги таит в себе напор внутренней энергии, насыщенной благоуханием подлинной, высокой эротики.

Не случайно, произведением каллиграфического искусства смотрится, в свое время показанный мне В. Б. Сосинским, Дяди Лёлин рукописный альбом, выполненный им для Ауки (Ариадны Викторовны Сосинской-Черновой) с изображением фаллических аксессуаров. (Дело в том, что

⁴³ Репр. см.: Хайдзин но сёга бидзюцу. Токио 1978, т. 6; о жанре “хайга”, он, наверное заинтересовал бы Дядю Лёлю, см.: Искусство Японии. М. 1965, с. 98.

Аука выступала для ослабевшего Дяди Лёли в роли “банщика” – “Дорогая Аука! Когда-то Вы придете? – пишет он в письме 17 I 49 г. – Будет тёплая погода и Вы меня выкупаете” (архив В. Б. Сосинского).

И вот – никакого “кощунства и похабства” – гармонический вихрь, кружение, танец, полет закруглений, извивов, сплетений, переплетений, поворотов, изгибов, узлов, ажурный узор линейного рисунка, быстрым, тонким пером. У меня возникает невольная параллель с порывистой и плавной, безудержным потоком растекающейся по бумаге “дикий скорописью” (куанцао) китайского каллиграфа и поэта восьмого века Чжан Сюя, рядом с которой, в свою очередь, возникают ассоциации с эмоциональным напором поэтического описания сравниваемого с движением водной стихии (кукхи!) развития музыкальной мелодии в “Оде циню-цитре” китайского философа, музыканта и поэта III века Цзи Кана или с образным изображением трепетной любовной “игры-сражения” в известном эротическом китайском романе XVI века “Цзинь. Пин, Мэй”.⁴⁴

А ещё – здесь явственно слышится созвук со страстной графической музыкой японских “сюнга” – эротических “весенних картинок”, скажем серией гравюр Хокусая (1760-1837) – “Нами тидори” (“Морские птицы над волнами”) или Эйдзана (1787-1867) – “Эдо-но Мурасаки” (“Мурасаки из Эдо”). И, наконец, в рисунке графических фигур фаллического узора этого альбома мне отчётливо видится зримое его созвучие с вариантами скорописного написания таких китайских иероглифов-понятий, как “се” – “согласие, гармония” и “син” – “вдохновение, подъем”. И, может быть, как раз это наиболее точно отражает глубинную позицию Дяди Лёли в его подходе к проблематике эроса.

Некоторые уточнения

Помимо уже высказанных выше (около “Неустановленных лиц” и пр.):

1. Дата смерти Сергея Михайловича Ремизова (1921) и беспричинное указание на то, что Варвара Фёдоровна была пензенской ученицей Ал. Мих. при отсутствии дат её жизни (1882-1951) в “Минувшее”, с. 546.

2. В книге “Москва Алексея Ремизова” (с. 264) М. В. Алпатов ошибочно назван внучатым племянником Алексея Михайловича, тогда, как он – двоюродный племянник (внучатый – я).

3. Карты Сведенборга впервые нарисованы не в 1950 г. (как можно понять из статьи С. С. Гречишкина в “Ежегоднике Рук. отд. Пушкинского Дома на 1975 г.”), а раньше, ещё до революции. Они были опубли-

⁴⁴ См. сборник “Сад одного цветка”. М. 1991, с. 167-196.

кованы в журнале “Аргус”. Рисунки 1950 г., являясь поздним вариантом, сильно уступают раннему, более лёгкому, прозрачному и чёткому (см.: Взвиhrённая Русь, с. 34-36).

4. Странное упоминание – “Наташе”. Северный край. 1903. 6 мая – в “Избранном” (Москва 1955, с. 404).

5. Отсутствующее или косвенное указание на наш семейный архив при атрибуции фотографий и материалов на с. 404-405 и 359 (?) в книге “Мейерхольд. Наследие”.

Р. S. Если бы я верил в перевоплощение, то, конечно, ощущал бы себя Сигом, но я верю в продолжение, развитие духовного наследия отцов, т. е. воспринимаю себя приемником и мамы, и отца, и Сига, и другого дедушки по папиной линии – Ивана Николаевича Соколова. И Дядя Лёля рядом со мною, в нём я ощущаю одного из своих самых главных и близких старших наставников. Особо люблю у него всё мемуарное – “Россию в письменах”, “Петра и Февронью”, а ещё “Кукху”, потому что в одном ряду с творческим настроем Дяди Лёли мне особенно близок талант В. В. Розанова. И ещё выделяю “Огонь вещей”, прежде всего за трактовку Манилова, имя которого готов взять в качестве одного из своих воображаемых псевдонимов. А где Манилов (близко и Обломов), там и Сиг с его, увы, утраченным дневником – “День прошёл, и Слава Богу”, с такими, отмеченными Дядей Лёлей чертами характера – “Петя в гимназии певчим, этим только и берёт, а то беда – лентяй отчаянный” (Избранное, с. 28); “Всегда в кого-нибудь влюблён и часами просиживает у окна, мечтая” (Взвиhrённая Русь, с. 183). По творческим устремлениям я – от Дяди Лёли, по характеру-натуре от Сига. И вот в этом соединении Дяди Лёли и Сига – моя судьба. А главным объединяющим нас мотивом является мечта. Сиг мог часами мечтать у окошка, а Дядя Лёля писал: “Сон и мечта одного порядка” (Царевна Мымра, с. 316). Я же сочинил себе эпитафию (перифразой слов китайского художника Ци Байши – “Из народа вышел, в народ ухожу”) – “Из мечты вышел, в мечту ухожу”. И тут важно высказать это на китайском языке – “Цун мэн чжун лай, дао мэн чжун цюй”, потому что китайское слово “мэн” – “мечта” одновременно означает и “сон” – лишнее подтверждение Дяди Лёлиного – “одного порядка”.

